

ОЧАРОВАННАЯ ПАМЯТЬ

Юрий Визбор не сможет сегодня вечером прийти на праздник

30-летия Московского клуба самодеятельной песни

ным на свете было — отогреть человека. И делал это с такой изящной простотой. А «клиенты» у него были самых разных мастей.

Ну уж альпинисты в ласке не нуждаются? Нуждаются. Это я знаю от них самих, высшей пробы парней. Когда Юра шел с ними в горы, им было спокойней. Он был для них как бы талисманом. И дело не только в надежных песнях Юры, но и в том, что он своим песням соответствовал. Если альпинисты уважают, то в человеке, значит, полный порядок.

Знаю, конечно, со слов, но, видимо, Юра был хороший альпинист, человек в горах на месте. А, понимаете, внешне в нем не было ничего суперменского. Увален с детской улыбкой. Из него так и светился пацан со сретенских дворов. Думаю, что он в себе детством очень дорожил. Если по рекам брел байдарочный поход, то командором неизменно был Юра. А если командором Юра, то в байдарках обязательно колготились дети. Дети его очень любили. А это «знак качества».

Впрочем, его все любили, как бы банально ни прозвучало. Я Юру видел в обществе самых разных людей: и близких друзей, и случайных собеседников, и занятых собой знаменитостей. До чего же он был нравственно предупредителен. Образовывалось впечатление, что, кроме тебя, сейчас никого для него не существует. Но это именно так и было. Он как-то умел оказаться рядом. Если кто-то в том нуждался. И при этом деликатность изысканная. Он не был обременен в своей рыцарственности. Он дружил не в долг.

Было ли в нем предчувствие горечи? Видимо, было. Как-то судьба занесла нас на совсем детский спектакль. Он

вдруг обернулся ко мне: «А ведь стариком быть тоже, наверное, неплохо?» Не сподобился. Он молодым умер. Каким, впрочем, был бы и в старости.

Конечно, наверняка есть люди гораздо более прекрасные, чем Юра. Однако об этом обычно знают только близкие. Только им ведомо счастье общения с таким человеком. Но Юра писал песни и потому вышел на встречу ко многим. Со многими делил себя. За что не столько ему, сколько нам надо благодарить судьбу.

Визбор вошел в историю хмурых лет как основатель светлой самодеятельной песни. Самодеятельной? Это значит — «сам делал», то есть сам писал? Или имеется в виду — писал только когда хотел? А профессионалы, выходит, пишут и когда не хотят? Как им это удастся, как можно столь странным способом обнаружить в себе песню? Один «профессионал» в свое время поделился со мной иронией: «Визбор, словно акын, — что видит, то и поет». А разве можно иначе? Чего не видишь, чего не знаешь? Юра, было, взялся изложить автобиографию, уж не помню, для какой литературной надобности. Дошел до фразы «поступил в институт». И вдруг вместо продолжения дальнейшего жизнеописания текст оборвался: «Но обо всем этом — уже в песнях». Паразитально, он записал в песнях биографию целого поколения. Именно биографию — летопись фактов, чувств, мыслей. Его собранные в книгу песни читаешь как повесть минувших лет.

Что касается качества таланта Визбора, то обращает на себя внимание «отсутствие» творческого роста. Вы, конечно, помните его знаменитейшее — «Чутко горы

спят, Южный Крест залез на небо». Так это самая первая публикация — 1952 год. Автору — 18 лет. Ничего себе — «для начала»!

А если совсем серьезно: «Пришла пора понять то место, какое занимает Юрий Визбор в нашей лирике. В истории новейшей русской поэзии». Это сказал Лев Аннинский. А он знает, что говорит.

Думаю, суждение Льва Аннинского уместно и точно дополняет крупный советский дипломат, а в миру тонкий ценитель творчества Визбора и друг поэта, Анатолий Адамишин: «Миссия интеллигенции — в людях вызывать к наиболее добрым, светлым, общечеловеческим ценностям. И эту свою миссию, я думаю, Юра выполнил... Такие люди, как Высоцкий, Визбор, Окуджава, спасли честь целого поколения».

Сказано высоко, справедливо. Хотя, признаться, я, слушая Юру, как-то о «миссии» не думал. Сидит рядом со мной славный блондин с голубыми глазами, и так мне с ним хорошо. И так моя душа самому мне соответствует. Я, пожалуй, знаю, почему Юру все очень любили. Ну, помню «места в истории» и «миссии». В его песнях — доброта мужественного человека. Не канонизированная доброта для исполнения с эстрады, а самая обыкновенная. Каждая его песня изначально написана только для друзей. А уже потом и именно потому становилась всеобщей.

Он роднил людей. На его песнях сходились, находили друг друга. И если вы заметили, сейчас пошла новая волна тяги к песням Юрия Визбора. А потому что душа просит. Ох, до чего ожесточилось нынче песенное творчество. Все больше о повальной гибели возглашает. А вот до Сереги — «То взлет,

то посадка» — до героически погибшего летчика Сергея дела что ли за межконтинентальными заботами нет? Любить надо не просто ближнюю к себе планету, а ближнего к себе человека. Планета — это не население, а люди.

Мы как-то отвыкли, что кто-то хочет поговорить с нами преданно, по душам. Не на ходу, не на улице, не в служебной курилке. А ведь нам так нужен сильный, добрый друг. Друг не для болтовни длиной в выкуренную сигарету. Вот почему мы тянемся к Юриным песням. И всегда будем помнить поэта, нашего заветного собеседника.

Это не просто слова, не просто сердечное обещание. На телеэкране позавчера состоялась премьера документального фильма «Вершина Визбора». Какой необычный поступок совершили сценарист Е. Богатырев и режиссер Н. Малецкий. Они помогли всем близко увидеть человека, который умел писать такие родные песни. Только что вышла отличная книга (10 печатных листов), ее собрали верные люди — туристы. Обнародована книга (22 печатных листа) «Юрий Визбор». Это прекрасное, монографическое издание. Для меня появился буклет о Визборе.

На Памиро-Алае, на Тянь-Шане, на Кавказе высются три пика. Герои Юриных песен — альпинисты — назвали эти покоренные вершины именем поэта.

Как хорошо, что мы не беспамятны. Беспамятность, а значит, неблагодарность — из худших человеческих качеств.

В связи с чем я написал эти несколько страничек? Как говорят газетчики, по какому информационному поводу?

Ну, скажем, потому что нынче премьера фильма, вышла книга, издан буклет. Сегодня — 30 лет Московскому клубу самодеятельной песни. Сразу столько поводов.

А впрочем, что я оправдываюсь? Да, про товарища написал. Сердце попросило, вот и написал. Разве нельзя?

Э. ГРАФОВ.